Просторные залы серого и непримечательного замка, где сторонники Фридриха, во главе с ним самим, собирались устроить процесс над Шульцем, бывшим рыцарем, освещал один лишь тусклый предвечерний свет, да редкие свечи.

Впрочем, даже в подобном, на скорую руку устроенном, зале суда нашлось место для десятков уважаемых граждан, явившихся на суд в качестве приглашённых присяжных.

Кроме них, естественно, была и целая толпа аристократов из Сан-Суси, лично явившихся для того, чтобы проявить «солидарность» со своим «другом» и/или «родственником» (род Шульца хоть и не самый богатый и престижный, но всё же дворянский). Естественно, прибыли они на заседание суда только для того, чтобы выразить своё недовольство состоявшимся процессом, а также повлиять на присяжных.

И, к сожалению, несмотря на протесты Фридриха, заявлявшего о своём несогласии с вторжением (и о его недопустимости) различных проходимцев в систему правосудия, их всё же пустили «поглядеть» на «самый гуманный суд в мире».

Конечно же, с формальной точки зрения все впущенные являются «родственниками» Шульца, но так как речь идёт о втором сословии, то это, по сути, пропуск каждому подряд, ведь каждый дворянин и аристократ был друг другу родственником в той или иной мере. Впрочем…

… Некоторое время назад …

– Привет, мой друг, – заявил Каю знакомый ему мужчина.

– *плевок* – естественно, стоило ему увидеть его лицо, как он тут же, вложив все свои силы в этот своеобразный манифест, плюнул в него.

– Зря ты это, – ответ на него последовал незамедлительно, причём на самом понятном для людей этого времени языке – языке боли. Разумеется, речь идёт о том, что подручный Фридриха, его верная марионетка, смачно и мощно заехала едва пришедшему в себя Каю по лицу, снова повредив его и без того гнилое (почти буквально) лицо.

– *Кашель* – естественно, ничем хорошим это для него не закончилось – губа в результате подобного акта насилия была разбита и теперь обильно кровоточила.

– А теперь можно перейти и к нашему делу, герр «Шульц фон Эйлау». Видите ли, мой герр желает, чтобы вы подписали одну бумагу… – начал прислужник Фридриха свою монотонную речь, уже предвидя ответ рыцаря…

– Пусть засунет себе её в жопу. Слышал недавно, что ему подобное нравиться, *кашель*! – произнёс с улыбкой Шульц, желая напоследок повеселиться.

– Если ты её подпишешь, то мой герр обещает смилостивиться над тобой и даровать тебе быструю смерть. Как тебе такое предложение? – всё тем же пренебрежительным тоном произнёс слуга Фридриха, предварительно всыпав хлёсткую оплеуху наглецу по лицу.

– Ха-ха, Сергий… ты же понимаешь, что всего лишь марионетка в его руках? Сегодня он казнит меня, а завтра тебя… и всё же занимательно – почему ты ему всё ещё веришь? Ты всего лишь игрушка, которую он выкинет, как только соскучится, *смех*! – смеялся Шульц, несмотря на тупую боль, засевшую в области недавно заделанного синяка.

– Будь это так, я бы сидел в одной камере с тобой. Поверь мне, у моего герра более чем достаточно людей, гораздо более опытных в пытках, чем я, так что будь я не нужен ему, был бы здесь вместе с тобой, – говорил спокойным тоном Сергий, верный своему герру, пока выворачивал вопящему от боли Каю соски.

– *Крики нестерпимой боли*… ****…. УБЬЮ! – чем последний, очевидно, был крайне недоволен. Хотя любой другой на его месте больше бы волновался о том, что у него они на волоске от того, чтобы стать очередным оторванным от тела куском человеческой плоти, естественно.

– Итак, герр Шульц фон Эйлау… теперь вы, я надеюсь, согласны с предложением? Однако учтите, что если вы и на этот раз откажетесь, то оно будет для вас недоступно в дальнейшем, так что я настойчиво предлагаю вам согласиться сейчас, пока не поздно! – с едва уловимой улыбкой произнёс Сергий, явно довольный предоставленный ему возможностью унизить, растоптать и уничтожить своего бывшего говнюка-начальника.

– Пошёл ты! – в ответ, последовал уже надоевший всем присутствовавшим ответ.

– Герр Шульц фон Эйлау, как вы думаете, что больше понравится вашей дочери в качестве подарка в честь свадьбы? Кажется, она состоится через месяц, да? Может ей отправить приглашение посетить своего отца в рамках поездки на неопределённый срок? Что думаете? – стоило Сергию об этом только упомянуть, как Шульц резко поменялся в настроении. Вероятно, он полагал, что надёжно спрятал свою внебрачную дочь от посягательств собственных врагов. Однако реальность была иначе – никому не было до неё дела только до тех пор, пока он не врагом человеку, обладающему какой-никакой властью и средствами…

– Да кому есть дело до неё – впрочем, возвращаясь к теме – Шульца уж слишком сильно выдавал его внезапно похолодевший взгляд. Хотя аргумент был бы хорошим, если бы речь шла о нормальном дворянине времён Средневековья. В таком случае ему было бы, скорее всего, глубоко наплевать на своих детей, ведь у большинства подобных ему людей их было более чем достаточно для допущения наплевательского отношения к ним (да и мёрли они как мухи в условиях ужасной санитарии и отвратительной медицины тех времён)…

– Да? Судя по вашим тратам, вам более чем есть дело до её благополучия – одно только её платье чего стоит! Да невесте в подобной одёжке любая позавидует, любой мигом в постель прыгнет! Что уж там говорить, моя доченька любого бы живьём зарыла в землю за него, но,

увы… оно принадлежит вашей дочери. Тем не менее возникает закономерный вопрос – откуда у вас деньги на такую роскошь? Откуда у вас средства на организацию подобного торжества? Откуда подобное приданое? – колол Сергий колкой правдой Шульца.

– Мне… друг подарил! – у того, разумеется, нервы не выдержали, и он, кто бы мог подумать, выпалил очередную глупость, причём крайне опасную, ведь эта фраза как бы подтверждает все предыдущие «догадки» Сергия.

– За какие такие заслуги? И что это за друг такой, что дарит вам изысканные восточные платья и драгоценности? Наверное, тот же, что и вручил вам целый мешок динариев? – продолжал его мучитель.

– Какой мешок? Какие динарии? Ничего не слышал, ничего не знаю, отпустите меня! Вы не имеете права держать меня здесь взаперти! Я, между прочим, гордый представитель рода фон Эйлау! Это, может быть, и не самый богатый и престижный род в герцогстве Эйсенском, но выходцев из него явно нельзя мучить подобным образом! – закричал Шульц со всех сил, что было мочи, надеясь, видимо, что его визг кто-то услышит.

– Во-первых, вы больше не фон Эйлау. Указом его величества, великого герцога Эйсенского, Вильгельма фон Штауфена, вы и все ваши дети лишаются всех прав и состояния, переходите в ранг крепостных крестьян того, кто приобретёт вас на аукционе. К слову, поздравляю – ваши жалкие задницы купил мой герр, – естественно, никак иначе, кроме как неприкрытым издевательством, подобные насмешки и не назвать.

– Ты бредишь! Быть того не может, чтобы меня лишили гражданства! – истерил Шульц, явно не ожидавший подобных «внезапных поворотов».

– Я передам ваше искреннее неудовольствие вашему нынешнему владельцу, будьте уверены… *хрусть*, – впрочем, Сергий времени на передышку эмоционально нестабильному Каю не давал от слова совсем. Сразу же за максимально мощным унижением последовал хруст его косточек – но не волнуйтесь, это просто герр Сергий перед доставкой товара его владельцу проверяет оный на предмет состояния здоровья.

– ТВАРЬ! – кричал Шульц, не желающий и не способный смириться с произошедшим…

– Ах, кстати… я забыл упомянуть об этом. Продолжая нашу дискуссию: во-вторых, герр Шульц, раз уж вы не причастны к упомянутым мною ранее эпизодам сокрытия крупных доходов, полученных незаконным путём, нам придётся вызвать вашу дочь на допрос, чтобы выяснить природу её нового дорого платья и шикарного приданого, – произнёс с садистской ухмылкой Сергий, с исключительной нежностью поглядывая на Шульца, крепко держащего молоток в руках.

– ТОЛЬКО ПОСМЕЙ ЕЁ ТРОНУТЬ! – прорычал Шульц, чуть ли не исторгая пену из своего рта.

– Впрочем, есть способ избежать подобных эксцессов… если вы подпишите эту бумагу, в которой вы сознаётесь в шпионаже на благо другого государства, государственной измене, покушении на наследника великого герцога Эйсенского, Карла Фридриха Иеронима фон Штауфен, попытке вооружённого ограбления, формировании организованного преступного сообщества и ещё в нескольких преступлениях, то мой герр гарантирует вам быструю казнь, а также неприкосновенность вашей дочери. Разумеется, вас уже ничего не спасёт, но, по крайней мере, ваша дочь останется в порядке. Возможно, ей даже вернут её титул и имущество. Если только вы подпишите это признание, естественно… – продолжил давить на Шульца постоянными упоминаниями его дочери, столь дорогой ему, герр Сергий, такой же добрый самаритянин и семьянин.

– И какие у меня гарантии?! – вновь прорычал, пускай уже и значительно более тихо, наш герр Шульц, уже, видимо, смирившийся с необходимостью пожертвовать своими принципами ради своей всё ещё живой дочери, которой придётся страдать от последствий принятых им решений в том случае, если он откажется от сотрудничества.

– Вы не в том положении, чтобы требовать гарантий, герр Шульц. Вы либо подписываете это признание и ваша дочь остаётся в полной сохранности и целости, либо вы не подписываете его и ваша голова всё так же идёт на плаху, но уже вместе с вашей дочерью. Это признание просто позволяет вам взять на себя те грехи, что в ином случае станут роковыми для ваших отпрысков. Мы же просто упрощаем себе этим задачу, ведь нам не придётся, в таком случае, проводить отдельный процесс и казнь над вашей дочерью, – и это, в принципе, является правдой, пускай и частично…

– *Цок*, ладно… подпишу я его, лишь бы твоя уродливая рожа свалила отсюда подальше! – впрочем, Шульц всё так же продолжал капать Сергию на нервы, будучи в своём репертуаре.

Шульца уводят в далёкую, холодную темницу, устланную одной лишь дрянной соломой, которую отказались употреблять даже самые худые животные

– Знаешь, а я не знал, что можно посмертно реабилитировать людей! – неожиданно произнёс один из подручных Сергия, хотя его никто и не спрашивал

– А никакой реабилитации и не будет, болван… – произнёс Сергий, уставившись своим взглядом в потемневший от огня масляных ламп, видавших ещё времена великих походов Трояна, потолок.

http://tl.rulate.ru/book/66483/1761628